

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОГРАФЫ РАННИХ СТИХОТВОРЕНИЙ БЛОКА

Сообщение Н. В. Котрелева

Поэтическое наследие Блока известно сегодняшним читателям и исследователям почти с исчерпывающей полнотой — осторожное «почти» следует употребить, поскольку не исключается, разумеется, возможность неожиданных находок (скорее всего — экспромтов, надписей на книгах и т. п., стихотворений «на случай»). Однако насущной потребностью литературоведения остаются на сегодня учет и осмысление вариантов блоковских текстов, изучение творческой их истории и истории их бытования в читательской среде.

Настоящим сообщением мы вводим в научный обиход более ста автографов и авторитетных копий блоковских стихотворений, на рубеже веков обращавшихся в кругу московских почитателей поэта — среди тех, кого в мемуарной и научной литературе именуют «соловьевцами», «аргонавтами», «московскими мистиками». Все эти определения, как известно, имеют в виду не какие-то формальные литературные объединения, а немногочисленную группу московских интеллигентов, захваченных в начале XX в. мистическими увлечениями и новыми веяниями в искусстве. Именно для них лирика Блока стала уже в 1901 г. самым ярким словом, выражением и этих чаяний, и пропитанной ими новой культуры. Для «соловьевцев» и «аргонавтов» и были сделаны копии стихотворений, о которых идет речь; в их среде блоковская лирика стала впервые литературным фактом, на несколько лет ранее, чем с нею познакомилась читающая Россия.

К 1905 г. эти рукописи уже перестали читаться. Они стали частью личного архива С. М. Соловьева, который дошел до нас в разрозненном виде и с невосполнимыми утратами. Когда сам С. М. Соловьев в 1925 г. опубликовал письма Блока к нему и его отцу, М. С. Соловьеву, то даже те стихотворения поэта, которые составляли единое целое с письмами, были отражены в публикации далеко не полностью. Ни слова не было сказано о хранившихся у Соловьева автографах ранних стихотворений Блока, некогда приславшихся в Москву с этими письмами и — по всей вероятности, тогда же — от них отделенных. А позже эти рукописи оставались неизвестными всем, кто готовил издания сочинений Блока. Более того, сам поэт не имел под рукой этих автографов при подготовке своих стихов к публикации.

Автографы стихотворений, о которых идет речь, либо высылались О. М., М. С. и С. М. Соловьевым в Москву, либо были переписаны по их просьбе при личных свиданиях. Сюда же были присоединены и тексты стихотворений, присланные Блоком в письмах к Андрею Белому (и потому оказавшиеся недоступными В. Н. Орлову и при издании их переписки). Копии, принадлежавшие Белому, стали в свое время частью единого «московского собрания» стихотворений Блока, которое складывалось естественно. Присовокупление стихов к письмам было, по всей вероятности, достаточно осознанным движением «авторской воли»; большая часть из них была прислана в то время, когда Блок еще не печатался, и, следовательно, автографы — подчеркнем, все беловые, дающие для своего времени «окончательный текст» — можно и нужно рассматривать как своеобразные публикации. «Собрание» блоковских стихотворений стало чтением для расширяющегося с годами круга читателей, т. е. сыграло именно роль публикации, типологически вполне аналогичной всякого рода другой. Распространение и признание блоковских стихов в Москве естественно привело поэта на пороги журнала «Новый путь», альманахов «Северные цветы» и «Гриф» — стало первым шагом в печатную литературу. Рукописный литературный дебют и стадия рукописных публикаций, неизбежные едва ли не для всякого начинающего, тем более интересны в литературной судьбе Блока. С одной стороны, эту стадию проходит — и достаточно долго — значительнейший поэт эпохи, получая лите-

ратурное имя во взыскательной, высокопрофессиональной и предельно сродной его дарованию среде, к которой принадлежали ближайшие литературные соратники Блока, его «вечные спутники» в русской словесности. С другой стороны, на время, когда сложились основной объем «московского собрания» — до 1904 г., приходятся важнейшие этапы всего творческого пути Блока: от ранних опытов до стихов из раздела «Распутья» первого тома, где сказались явственно лирические темы зрелого Блока.

Учтя все эти свойства «московского собрания», мы должны необходимо заключить, что важность его автографов не только и не столько в извлекаемых из них разночтениях, как ни интересны варианты для истории отдельных произведений, здесь «публиковавшихся» в промежуточном — от рабочей рукописи к печатному тексту, — но на время окончательном виде. Гораздо важнее то, что перед нами важнейший источник к истории такого сложного текста, как первый том блоковской лирики, к истории бытования блоковских произведений в первой его читательской среде. С точки зрения современной науки это — важнейший раздел текстологии; такое изучение текста — норма для медиевистов, детально разработанная Д. С. Лихачевым², и распространение ее на памятники новейшей литературы представляется необходимым.

Ответы на возникающие в связи с вышесказанным вопросы выходят за рамки задач и возможностей предлагаемого сообщения. Прежде всего потому, что изучение «московского собрания» — частная проблема, разрешение которой мыслимо лишь в общем контексте текстологического исследования всего первого тома. Наша цель скромна: описать автографы и копии, некогда составлявшие «московское собрание» стихотворений Блока, дать им самую суммарную характеристику, очертить историю этого корпуса, наметить некоторые вопросы, встающие при знакомстве с ним.

Многочисленные свидетельства о бытовании блоковских текстов в Москве на рубеже веков мы находим в материалах, впервые печатающихся в настоящем томе «Литературного наследства», — в письмах О. М. Соловьевой к матери поэта, М. С. и С. М. Соловьевых к Блоку, переписке Андрея Белого с Э. Н. Гишиус и Э. К. Метнером и др. (см. раздел «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»).

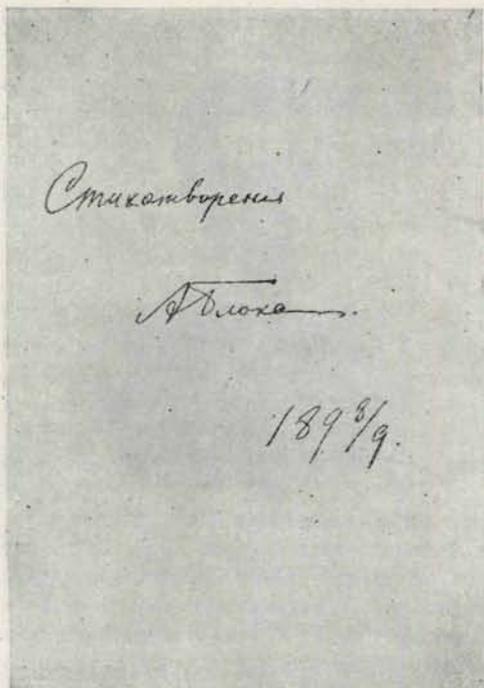
Стихотворения Блока впервые появлялись в Москве с письмами его матери к О. М. Соловьевой. О литературных играх блоковского детства Соловьевы знали и прежде — их сын Сергей принимал участие в домашнем журнале Блока и его кузенов, сообщение о котором помещено выше. «Тогда уж меня поразила и пленила в нем <Блоке> любовь к технике литературного дела и особенная [аккуратность]³, — вспоминал С. М. Соловьев, очень рано осознавший себя наследником профессионально-литературного дома Соловьевых. Тем не менее в письмах его матери, О. М. Соловьевой, какое-то время на первом плане — Блок-актер. Даже когда она пишет, что «Сергей и его друг Боря Бугаев <...> с головою погружены в поэтов», она сетует: «Как жаль, что Саши нет здесь! Вот бы актер!» (ср. ее письмо от 27 декабря 1897 г.). И еще в августе 1898 г., после того как Блок, гостя у Соловьевых в Дедове, очаровал их, о его стихах Ольга Михайловна говорит походя, главный вопрос для нее — талантлив ли юноша как актер.

*Helene de
Sokolovskiy* *S. PÉTERSBOURG
-Norskaya*

БЛОК

Фотография Е. Мрозовской, 1898 г., Петербург
Литературный музей, Москва

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ РУКОПИСНОЙ ТЕТРАДИ
СТИХОТВОРЕНИЙ БЛОКА, ПОДАРЕННОЙ
С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ
Литературный музей, Москва

Соловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух: вторая половина 1898 г. — признание, что есть стихи, которыми Блок ей «особенно угодил» (но его произведения рассматриваются еще как нечто рожденное поэтической преемственностью, но не ставшее еще самостоятельным явлением). Соловьева пишет, что ей хочется знать, как «это пойдет дальше» — но следует почти трехлетнее молчание о блоковских стихах (однако все ли ее письма дошли до нас?). Наконец, вторая половина 1901 г., после новой, решающей встречи Соловьевых с Блоком в Дедове — безоговорочное признание поэта не только О. М. Соловьевой, но целым московским кружком. Отсюда и настоятельные совет «печататься, и хлопоты в редакциях, и резкая ссора с З. Н. Гишнус; Блок стал поэтом, горящим от всего кружка, и Соловьева волнуется за его стихи: «мне кажется, ведь стихи-то мои» (наст. т., кн. 3).

Долгое время основной источник знакомства со стихами поэта в Москве — нам неизвестные копии, приславшиеся Ольге Михайловне матерью Блока. Потому Соловьева просит, когда дело заходит о возможной публикации в «Скорпионе»: «Пожалуйста, пришли стихи Саша скорее, четко переписанные, побольше. У меня есть несколько, но они все в твоих письмах, которые я не могу дать никому <...> Я прочла вчера вслух «Шорохи и стуки» (Брюсов почти не разбирает твоей руки)».

Однако к этому времени устанавливаются прямые эпистолярные связи Блока с М. С. Соловьевым и с С. М. Соловьевым. При письмах к тому и другому идут белые авторские копии стихов. Михаил Сергеевич в переписке — явно старший, руководящий Блоком в начале жизненного и литературного пути; отсюда и шутливо-серьезная игра — предложение Блоку благодарить за присылку ему каждого нового тома сочинений Вл. С. Соловьева (издателем которого стал Михаил Сергеевич) собственными стихами. Между Блоком и Сергеем Соловьевым устанавливается, напротив, восторженное братство — подробнее об этом см. в предисловии к их переписке, печатаемой в наст. томе.

Но почитатели Блока — уже не только семья Соловьевых. Его поклонником стал Б. Н. Бугаев (будущий Андрей Белый), на которого «Сашины стихи», как сообщала матери поэта О. М. Соловьева еще 3 сентября 1901 г., «произвели необыкновенное, трудно

Но уже в октябре того же года, затеряв бывшую у нее копию блоковских стихов, она просит А. А. Кублицкую-Пиоттух: «Если ты очень добрая, то пришьешь мне их опять». В этом письме открываются два важнейших аспекта соловьевского отношения к лирике Блока: с одной стороны, высокая требовательность к юношеским лирическим опытам (понимание зависимости начинающего поэта от Фета, оценка фактуры и отработанности стиха). С другой стороны, письмо впервые для нас определяет, что сделало лирику Блока «своей» для Соловьевых: «Это стихи — к верующему другу, то есть такой их общий смысл». Блок постепенно осознает свое поэтическое призвание. 18 октября 1898 г. он сообщает отцу: «... Пишу стихи, иногда пытаюсь писать прозу, но у меня ровно ничего не выходит» (VIII, 8); 22 января 1900 г.: «Стихи подвигаются довольно туго» (VIII, 10); 1 декабря 1900 г.: «Стихов немного и нерационально, потому что не имею в виду их печатания» (VIII, 15); наконец — о переходе на филологический факультет, что вызвано было для Блока решительным выбором истинного своего пути (письма от 29 сентября и 16 октября 1901 г. и позже — VIII, 24—26, 40—41, 47—48). Параллель — в письмах О. М. Со-

ловьевой к А. А. Кублицкой-Пиоттух: вторая половина 1898 г. — признание,

описуемое, удивительное, громадное впечатление». Появляется необходимость размножения блоковского текста. Копии, снятые Белым, свидетельствуют, что блоковский текст обладает некоторым качеством, делающим возможной и необходимой его жизнь независимо от автора. Белый заводит тетрадку, куда переписывает блоковские стихотворения, прежде всего, по-видимому, для себя, — об этом говорят его пометы-отзывы при некоторых из них на сохранившихся листках, описываемых нами ниже⁴. Но эти списки одновременно получают и значение публикации (в отличие от списков А. А. Кублицкой-Пиоттух, не отделившихся от частных писем, как мы видели): Белый читает их сам, дает читать многим и многим. Так разрастается московская аудитория Блока. Автографы поэта и копии с них образуют единый общий фонд, удовлетворяющий не только духовным интересам «соловьевцев», «аргонавтов»⁵. Они — первый источник известности Блока за пределами семейного и дружеского круга, в «большой литературе». Еще осенью 1901 г. О. М. Соловьева посылает два блоковских стихотворения З. Н. Гиппиус; позже с этими рукописями Блока знакомится В. Я. Брюсов. В рассказе Соловьевой об одном из чтений Брюсова характерная деталь — одновременно упомянуты и автографы Блока, и копии Белого: «Я сейчас же дала ему — увы, уже без разбора — несколько листов, переписанных Борей и отчасти Сашей (твоим) и лежавших поблизости». Копии, посылаемые Белым в Нижний Новгород Э. К. Метнеру, будущему цензору «Стихов о Прекрасной Даме», восходят именно к этому начальному общему фонду блоковских рукописей в Москве.

С начала 1903 г. связи Блока с Москвой развиваются в существенно иных условиях. В январе уходит из жизни С. М. и О. М. Соловьевы, те, кто первыми обратили внимание на стихи Блока «со стороны» (VII, 14). Но они успели заочно познакомиться Блока с Белым, при их посредничестве началось с первых чисел января переписка «друзей-врагов». Весною того же года Блок начинает печататься. Совокупность этих событий и обстоятельств и определяла новую связь Блока с «москвичами», новое «лицо» Блока в Москве. Количество автографов, может быть, и выросло, стали они более частыми — если судить по дошедшим до нас рукописям: пятнадцать стихотворений при письме от 8 октября 1903 г. к Сергею Соловьеву, шесть — при письме к нему же от 8 марта 1904 г., пространные стихотворные приложения при письмах к Белому⁶, одно—два стихотворения при многих письмах к тому и другому. Всякий раз стихи посылаются как доверительное слово о себе; даже тогда, когда Блок отбирает их из старых, забывая, что послал прежде, он отвечает на напряженное ожидание человека, заведомо причастного сокровенному смыслу его лирики. Теперь Блок открыт перед москвичами — Соловьевым и Белым — глубже, чем, может быть, после летнего свидания с Соловьевым в 1901 г. В 1901—1902 гг. Блок был дальше лично от своих адресатов как по причинам разницы возрастов, так и по недавности отношений, с другой стороны, тогда острее, по-видимому, переживалась атмосфера литературного дебюта. Теперь уже, в 1903—1904 гг., посылая стихи друзьям, Блок уже не рассматривает это как своего рода «публикацию», но это и не простой обмен (и Соловьев, и Белый в ответ шлют Блоку свои стихи) поэтическими новостями. Стихи — неотъемлемые составляющие переписки, которым поручается часто самая интимная часть послания.

Важно учесть и то, что изменилось отношение адресатов Блока к литературному миру. Прежде Соловьевы «выходили» со стихами Блока на еще далекую от них и тянущейся к ним молодежи «литературную арену» — в «Скорпион», к З. Н. Гиппиус. Теперь Андрей Белый — один из лидеров московского символизма, непререкаемый участник собраний в том же «Скорпионе», в «Гриффе» и т. д. А интимный кружок «аргонавтов» внутренне «иссох», перестал восприниматься как побратимство отправляющихся за «золотым руном», хотя члены его сохранили между собою близжайшие отношения. Восторженная встреча, оказанная «аргонавтами» Блоку в Москве в январе 1904 г., при всей своей экзальтированной напряженности как раз и выявила (прежде всего для возглавлявшего их и самого из них чуткого — Андрея Белого) «провал», нежизненность «аргонавтизма»⁷. Как получатели блоковских стихов, Белый и Соловьев близко связаны с поэтом; но, когда они знакомят других людей с этими стихами, они оказываются публикаторами уже отчужденного, оторвавшегося от создателя литературного текста. С одной стороны, перед нами стихотворные исповеди поэта перед Соловьевым и Белым. С другой — Соловьев и Белый — посредники между Блоком и читателем, воспринимающим каждый новый текст только как литературный факт, переживающим эту встречу как личную, жизненно важную, но —

в специфическом и отчужденном контексте литературного ряда, литературного движения. В конечном счете для читателя образ Блока создают его печатные стихи, а не кружковые рукописные копии. Только для самых близких важен факт личного присутствия поэта.

В этом повороте отношений московских символистов к блоковскому тексту нужно отметить один аспект, существенный для судеб всего символистского движения. Он свидетельствует о крахе той утопии, осуществления которой желали московские «аргонавты», Вяч. Иванов, во многом — сам Блок. Они мечтали о возвращении человечества к такой жизни, в которой каждая личность связана с каждой другой без отчуждающих средостений «цивилизации». Но опыт собственного кружка в самую первую пору их пути показывал недостижимость чаемого. Живое общение многих, но внутренне единых, живущих «об одном» (пользуясь их выражением), не далось «аргонавтам» в 1903—1904 гг. (как не осуществилось и в «башне» Вяч. Иванова⁸, в новом журнале, замышлявшемся Ивановым и Блоком, в московском «Мусагете» — во всем русском символизме). Многие из ранних московских почитателей Блока сохранили на всю жизнь отношение к его лирике, как части их собственной жизни; но каждому дано было переживать это лишь уединенно, на расходящихся (настолько, что они уже и не умели понять и принять реального пути Блока) жизненных и духовных путях (ср., например, письмо М. И. Сизова к Белому в наст. томе и многие другие подобные материалы раздела «Блок в неизданной переписке современников»).

В 1903—1904 гг. получаемые Белым и Соловьевым блоковские автографы по-прежнему складываются в общий фонд: об этом свидетельствуют оставшиеся в бумагах Соловьева стихи, приходившие при письмах к Белому, отзывы в письмах то одного из них, то другого к Блоку на стихи, полученные другом. Перестает расти этот фонд и становится материалом личного архива в 1905 г. После резкой ссоры (о которой подробнее см. в предисловии к переписке Блока с Соловьевым) прекращается всякое общение между Блоком и Соловьевым. Переписка с Белым какое-то время сохраняется, но стихи занимают в ней все меньшее место. Однако не одно только напряжение личных отношений объясняет, как кажется, исчезновение из писем стихотворных приложений. Ведь уже и перед разрывом отношений с Соловьевым Блок стал присылать ему стихи значительно реже; и совсем нет стихов в поздней переписке Блока с Белым (не говоря уже о случайных письмах после примирения). Известно, что и Белый, и Соловьев то восторженно (как Белый, например, стихи из цикла «На поле Куликовом»), то болезненно резко (как Соловьев, например, «Двенадцать») переживали новые произведения Блока. Но коренным образом изменился самый стиль, природа общения: прямую связь в письмах сменила связь через печатный лист; невозможной стала прежняя близость (в первые годы века эта дружба была даже несколько искусственно нагнетаемой); печатание стихов, а не сообщение их друг другу стало неотъемлемым атрибутом образа каждого из них в глазах другого. Переписка осталась средством литературно-технического, бытового, дружеского и т. д. общения, но не поэтического, не сокровенно-лирического.

Итак, хронологические рамки, в которых укладывается рукописное московское собрание стихотворений Блока (частью нам неизвестное), — 1898 — начало 1905 г. При том, что складывалось оно поэтапно и каждый этап имеет свои особенности, и с точки зрения отношений между корреспондентами, и с точки зрения того, в каком качестве функционировали неизданные блоковские тексты в Москве, это «собрание» в конечном счете едино. Быть может, главная его ценность — в том, что его история запечатлела самый процесс становления Блока, изменения его образа в русской культуре: от юноши, пробующего себя в поэзии, до зрелого поэта, творчеством которого ознаменовалась эпоха. Такой полноты образа, и образа в движении, с какой выявляет путь Блока это «собрание», не дают разрозненные «допечатные» стихотворные приложения к ранним письмам Блока отцу, А. В. Гиппиусу и др.; только тетрадь стихов, подаренная начинающим поэтом тетке, С. А. Кублицкой-Пиотух, и ныне хранящаяся в ГЛМ рядом с «московским собранием», по своей текстологической значимости — в предложенном ракурсе — может сравниться с «московским собранием».

Как мы говорили, «московское собрание» дает небольшое количество разночтений к каноническим текстам и к изданному корпусу вариантов. Но при том, что оно достаточно велико по объему, его варианты ставят перед исследователями и издателями поэта

самые различные и весьма существенные текстологические проблемы. Некоторых из них мы коснемся, характеризуя самым общим образом описанные ниже рукописи.

Наиболее интересны, на наш взгляд, следующие вопросы: какими принципами руководствовался Блок при выборе тех или иных стихотворений, послывавшихся в Москву? как подбирались друг к другу стихотворения, прилагавшиеся к каждому отдельному письму? Не менее важно и иное: насколько повлияли положительные и отрицательные отзывы москвичей на отношение Блока к своим произведениям, в том числе — на авторские печатные публикации, их сроки, состав. Очевидно, что ответить на последний вопрос можно лишь в результате тщательного изучения истории всего первого тома и современных ему стихотворений, в него не вошедших: как известно, поэт в пяти прижизненных изданиях первого тома существенно менял раз от разу и его состав, и текст многих стихотворений, перерабатывая их либо возвращаясь к первоначальным вариантам (I, 566), но в целом эта работа поэта еще не изучена, как ни важна она. Но и на первые два вопроса ответ будет более или менее достоверным только при возвращении от общего к частному, от истории первого тома к истории отдельных его стихотворений. Это объясняется тем, что стихи внутренне связаны между собой, и нужно предполагать, что на любом этапе творческой жизни отношение Блока к каждому из них определялось возникновением новых авторских контекстов. И когда прояснится, по возможности, эта сложность — постоянство и изменчивость отношения автора к тому или иному его произведению, мы сможем с большою вероятностью судить о контекстах первичных, не отягченных последующими переменами в авторском сознании. Но некоторые предварительные наблюдения необходимо сделать уже сейчас.

Несомненно, в первые годы переписки с «москвичами» — до 1903 г. — выбор Блока в большей степени диктуется желанием дать пусть и относительно старые, но «репрезентативные», программные стихотворения, отвечавшие требованиям публикации. После знаменательной встречи с Соловьевыми в августе 1904 г. он шлет (или переписывает для них в Дедове?) недавние стихи «Предчувствую тебя. Года проходит мимо. . .», «Я жду призыва, ищу ответа. . .» — наиболее программные для его лирических устремлений. Не случайно для ранних «официальных» печатных публикаций выбираются те самые стихи, которые давно уже были известны московским «соловьевцам», отчасти, видимо, потому, что прошли их апробацию, и в принципиально той же композиции: например, «Я жду призыва, ищу ответа. . .» завершало цикл в «Северных цветах», оно же, по всей вероятности, завершало и указанный выше соловьевский список 1901 г. (см. ниже №№ 42—45).

Позже, в переписке с Сергеем Соловьевым и Андреем Белым 1903—1904 гг., Блок более склонен к ознакомлению друзей со стихами как с листками лирического дневника, и тогда естественными представляются указания, что вот — «последнее» стихотворение или шуточное требование «скандировать на голос Валерия Брюсова». Но Блок не спешил посылать самые последние произведения: при том, что он охотно делится стихами, относясь к ним как к словам, наиболее точно выражающим его внутренний мир и духовный путь, очень часто он дает стихам некоторое время вылежаться и только потом отбирает представляющееся ему более существенным, чтобы послать в Москву.

Ясно, что изучающему и «Стихи о Прекрасной Даме», и первый том в целом нужно учитывать и композиции больших стихотворных подборок для «москвичей», и даже микрокомпозиции отдельных автографов из двух—трех стихотворений. Они почти никогда не выдерживают хронологического порядка, ставшего для «Собрания стихотворений» основным принципом построения, наиболее наглядно прочерчивающим путь Блока. Но тем интереснее однажды установленные автором соотношения отдельных текстов, открывающие, по-видимому, не всегда явные (особенно при естественном стремлении блоковских текстов к циклизации) смысловые связи стихотворений, разделенных между собой временем. Нужно будет рассматривать эти подборки и как существенный для автора опыт составления циклов, использованных при позднейших публикациях.

Проблему влияния московского отклика, московской оценки стихотворений Блока на их дальнейшую судьбу нельзя решать упрощенно, словно московский «приговор» был для поэта истиной в последней инстанции. Но московская читательская среда была для Блока естественным и необходимым резонатором, в отзвуках которого он улавливал сходство с собственным восприятием своих созданий. Отсюда понятным становится тот факт, что значительная часть из послывавшихся в Москву стихотворений и получивших там низ-

x. Посвящается С. с. Соловьеву.

Предчувствую тебя тогда пролетает мимо.
Все, во облаках одна из предчувствую тебя.
Весь горизонт, в снах и снах несерьезных.
Я, милая, жду, толку и слов.

Весь горизонт в снах, и близко повлечет
Но сродни мит — извившись облака же,
и беззвучное возмущение восприятия,
Суть мит в концы арктических картин

О, как надо и горестно и надо,
Неодолимо смертельных меду,
и все горизонт, и мучительная близость,
Но страшно мит — извившись облака же.

Лев

1904.

Шлакша Яво.

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «ПРЕДЧУВСТВУЮ ТЕБЯ», ИЮНЬ, 1901 г.

Литературный музей, Москва

кие «оценки» позже не была введена в первый том, печаталась много лет спустя и от случая к случаю. Далеко не все стихотворения, известные в Москве, а только меньшая их часть получили отзыв, сохраненный для нас письмами Соловьевых или Андрея Белого, но устные отзывы при встречах были несомненно. Тем интереснее, как ни затруднительна их однозначная интерпретация, многочисленные оценочные пометы на дошедших до нас «московских» автографах и копиях Белого, не говоря уже о выставленных блоковским стихам «баллах»¹⁰. В некоторых случаях, когда отзыв Сергея Соловьева сохранен для нас письмом, связь его с дальнейшей судьбой стихотворения кажется очевидной.

Наконец, текстологические проблемы в самом узком смысле слова. Только один автограф из описываемых ниже ставит будущего издателя перед проблемой выбора текста (предрешать которую мы не видим надобности): «Корреспонденция Бальмонта из Мексики» (№ 84) Блоком не издавалась; В. Н. Орлов при включении ее во второй том собрания сочинений поэта располагал двумя редакциями, из которых отдал предпочтение более поздней, краткой (II, 452). Описанная ниже — третья, еще более пространная, чем равняя из двух прежних, и дело будущего — установка ее хронологических и текстуальных отношений к двум известным и выбор основного текста.

Прочие автографы — важный источник к истории отдельных стихотворений, материал для изучения творческого процесса Блока. Рассмотрение и осмысление этих вариантов не входит в задачу настоящего сообщения. Здесь мы должны только отметить, что они затрагивают практически все стороны текста, поскольку дают разночтения и графические

(чрезвычайно важные именно для Блока — I, 567—568), и пунктуационные, лексические, ритмические, иногда перед нами — ранние варианты с выброшенными позже строфами (как правило, известными по прежним публикациям). Интересны ранние варианты и в связи с заменой или опущением заглавий, посвящений (см., напр., четко мотивированный отказ С. М. Соловьева от посвящения ему «Предчувствую тебя. Года проходят мимо. . .») в письме его Блоку от 14 февр. 1902 г. Датировки, как правило, не дают ничего нового для выяснения времени написания текста, они важны при изучении стиля оформления рукописи в блоковских «публикациях». Необходимо отметить только одно стихотворение: «Мы отошли — и тяжело подымали. . .», помеченное в изучаемом автографе ноябрем, а не декабром 1902 г., как в I, 255.

Однако хотелось бы остановиться все же на нескольких примерах различий из «московских» автографов Блока, подобрав их так, чтобы видно было разнообразие текстологических проблем, которые встанут перед будущим исследователем.

Вот текст классического «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. . .» по «московскому» списку (№ 42):

Посвящается С. М. Соловьеву

Предчувствую тебя. Года проходят мимо.
Все в облике одном предчувствую тебя.
Весь горизонт в огне и ясен нестерпимо.
Я, молча жду, тоскуя и любя.

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне — изменишь облик ты,
И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О как паду и горестно и низко,
Не одолев смертельные мечты!
И ясен горизонт, и лучезарность близко,
Но страшно мне — изменишь облик ты.

Июнь 1901. Шахматово

Окончательный текст с его шестью двустопными против трех четверостиший в раннем варианте (при том, что рифмовка остается прежней, и стихотворение — трехстрочным) несомненно подчеркивает отрывистую, экстагическую фразировку:

И тяжкий сон житейского сознанья
Ты отряхнешь, тоскуя и любя.

Вл. Соловьев

Предчувствую Тебя. Года проходят мимо —
Все в облике одном предчувствую Тебя.

Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо,
И молча жду, — *тоскуя и любя.*

Весь горизонт в огне, и близко появленье,
Но страшно мне: изменишь облик Ты,

И дерзкое возбудишь подозренье,
Сменив в конце привычные черты.

О, как паду — и горестно, и низко,
Не одолев смертельные мечты!

Как ясен горизонт! И лучезарность близко.
Но страшно мне: изменишь облик Ты.

4 июня 1901 г. С. Шахматово

Ту же цель преследуют и изменения в пунктуации: в строках 1, 3, 4 и 9 появляются не требующиеся нормой тире, выявляющие интонационный жест и ритм стихотво-

рения; вероятно, как компенсация этой повышенной нагрузки четырех тире заменяются на причинные двоеточия первоначальные тире в повторяющихся строках 6-й и 12-й. Одновременно более гибкой, разнообразной становится интонация первых четырех строк. С одной стороны, резко усиливается пробелом пауза после 2-й строки; с другой — тире после 1-й и запятая после 3-й «прорисовывают» — сравнительно с первоначальными точками — смысловые связи между частями текста. Наконец, пауза-пробел после 6-й строки четко оправдывает в конце ее запятую перед союзом, начинающим следующую строку. Необходимо оценить и существенную графическую перемену в стихотворении: в окончательном тексте появляются заглавные буквы в местоимении Ты — заглавные, знаменующие космологическое средоточие лирики Блока.

В «московской» авторской копии нет эпиграфа из Вл. Соловьева, он поставлен позже (тогда же, вероятно, появился и курсив в строке 4-й, обозначающий соловьевскую цитату). Но зато в этом списке есть посвящение Сергею Соловьеву, позже снятое по просьбе самого Соловьева. Однако, если судить по расположению текста на листе, можно предположить, что это посвящение появилось после того, как стихотворение было переписано: посвящение «втиснуто» на свободное место, вровень — а не ниже — со значком начала стихотворного текста (отметим, кстати, почти во всех рассматриваемых блоковских автографах наличие этих «типографских» значков — квадратиков, звездочек, линеек и т. п., — придающие рукописи «печатный» вид).

Поскольку речь зашла о посвящениях, необходимо указать еще ряд стихотворений (см. №№ 9, 28, 50, 54, 63), в «московских» автографах посвящений не имеющих. По всей вероятности, Блок ставил посвящение с согласия адресата: мы снова сталкиваемся с тем, что, посылая стихотворения в Москву, поэт знал: это есть своего рода «публикация», предполагающая отклик, оценку (как и в случае со стихотворением «Отшедшим» — № 63, посвященным памяти С. М. и О. М. Соловьевых). Менее интересны, да и не новы первоначальные заглавия иных стихотворений, которые сохранились в «московских» автографах; быть может, любопытнее в этой связи как раз отсутствие заглавия в рукописи стихотворения «Из газет» (№ 80). Позже поэт, в стремлении к предметной четкости, самим названием определил его сюжетное происхождение. Что же касается ритмического характера междустрофных пробелов, о чем мы говорили выше, в связи со стихотворением «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. . .», то в «московских» автографах, сравнивая их с поздним текстом, мы находим еще несколько примеров подобного переформлиения. Особого внимания, разумеется, заслуживает уже не строфическое, а сюжетное членение такого значительного в эволюции раннего Блока стихотворения, как «В полночь глухую рожденная. . .» (I, 585) (№ 47, 94 и 94а), а равно и варианта стихотворения «Сирин и Алконост» из тетради, подаренной С. А. Кублицкой-Пиоттух (описание ее автографов мы даем в приложении к основному).

Некоторые автографы дают метрические варианты к окончательному тексту и могут служить источником для изучения блоковского стиха. Наиболее яркий случай — усечение в окончательном тексте соответственно на одну и две стопы парных, 2—6-й и 4—8-й строк стихотворения «После дождя», начальный вариант которого сохранился в тетради С. А. Кублицкой-Пиоттух. Но следует обратить внимание и на внешне менее значительные метрические поправки, например: в стихотворениях «Все кричали у круглых столов. . .» (№ 66) или «Из газет» (№ 80), где метрика меняется при опущении отдельных слов; в стихотворении «Мы, два старца, бредем одинокие. . .» (№ 73), где легкие перемены — на один слог — произведены в соседних строках и, вероятно, связаны между собой, так что усечение одной повлекло за собою наращение другой.

В нашем материале мы не находим больших различий с окончательным текстом, если не говорить о вычеркивании целых строф и групп строф, которые, как сказано выше, известны по прежним публикациям. Наиболее правленный ранний вариант, оказавшийся в нашем распоряжении, быть может, стихотворение «Свобода смотрит в синеву. . .» (№ 59) с его сильно переработанной при публикации второй строфой, в «московском» автографе выглядящей так:

Он будет ночью, словно серп,
Сверкающий на темной жатве.
Его закат, его ущерб,
Родной моей последней клятве.

✓
Сиринь и Алконоста, сказочник и офицер ра-
доса и печали (карт. В. М. Васнецова).

I
Турецко кудрен оракулъ волни,
Заклинулъ голову назадъ,
Гротаея Сирини славы полноты,
Блестяща кудрями полны вьютъ...

И задралъ в струду дичаея,
Перистый оракулъ мучаея оракулъ,
Алконоста все благоуханье,
Весни невдалекой пришея...

И наги мощнаго цемелья
Снежи Рукиаея Глеса отъ...
Воро, вур... селитра фастуряея пришея,
И чмелуря в скопачея мучей.

II
Другая, вся неслышно мощной
Исощена, изнурена...
Тоскою вседневной и всепокойной
Вся здротъ высокая панна...
Настыль здротуря кудрями оракулъ,
Ра другъ риданьяея залелю...
И каю се възвасеяея тронилея
Нависло черное криво...
Анна Глечовая даршинея,
Кебсея пошерилея бироза...
И се окривавилеяея фомилея
Капураея жаткея следа...

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «СИРИН И АЛКОНОСТ» ИЗ ТЕТРАДИ, ПОДАРЕННОЙ
С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ
Литературный музей, Москва

Окончательный текст, восходящий, по предположению В. Н. Орлова, к лету 1904 г. (I, 612), меняет рифмы четных строк, служебное «словно» заменяется здесь эпитетом, но сохраняется тот же состав согласных, так что оба слова оказываются как бы анаграммами друг к другу, в 4-й строке сохраняется ключевое «последний»:

Он будет ночью — светлый серп,
Сверкающий на жатве ночи.
Его закат, его ущерб
В последний раз ласкает очи.

Но не менее интересны, очевидно, для исследователя и «легкие» поправки — на уровне замены отдельных слов. Чаще всего перед нами — правка стилистическая, свидетельствующая о профессиональном росте поэта. Так, когда Блок вместо раннего: «Отворил я окно, трепещи и дрожа» в 8-й строке стихотворения «Запевающий сон, зацветающий цвет. . .» (№ 64) ставит: «Распахнул я окно, трепещи и дрожа», — перед нами явно более точный в контексте целого произведения синоним. То же можно сказать и о замене «серебряной бляхи» «оловянной» в 10-й строке стихотворения «Из газет» (№ 80). В том же ключе проведена и внимательная правка стихотворения «За туманом, за лесами. . .» (№ 53), где «едешь» в 3-й строке превращается в «еду», чтобы снять грамматическую двусмысленность, возможность соотнесения «Ты» стихотворения с употреблением второго

лица в условном предложении. Там же «над печальными полями» строки 7-й (11-й — раннего текста) заменяется на «над печальными дугами», по всей вероятности, с тем, чтобы снять второе употребление слова «поля» (первое было в строке 3-й). В окончательной редакции строка 10-я (13-я) «Ты уйдешь в речной камыш», как кажется, должна была стать в большей степени предметно-определенной, реальной, чем в начальном — «Ты замолкнешь и бежишь».

Но в иных случаях ранние варианты позволяют нам либо вскрыть существенные стороны сюжетного замысла стихотворения, либо проследить важные перемены в нем. Например, текст 1915 г. стихотворения «Уже бледнеет день прощальный. . .» (№ 55) делает диалог «я» и «ты» — безмолвным, поскольку в нем вместо последней строки «Твои уста открыли мне» «московского» автографа появилось «В твоей душе открылось мне».

Еще существеннее изменения в другом раннем стихотворении, автограф которого сохранился в тетради С. А. Кублицкой-Пиоттух, — «Там за далью бесконечной. . .». Его окончательный текст (впервые опубликован в 1918 г. — альманах «Сирена», № 2/3 не позволяет указать, к кому обращена речь от первого лица («Вижу счастье прошлых дней»); опущенная вторая строфа с ее обращением на «ты» —

Посмотри: в ночном тумане
Ярче, выше, горячей
На небесном океане
Звезды искрятся ночей —

позволяет прочесть все стихотворение как разговор или с самим собой, или с другим, отличным от «я» стихотворения собеседником; наш автограф еще более усложняет речевую ситуацию, вводя прямое обращение от «я» к звездам:

Верю вам, блестите вечно
Над землею без теней,
В вашем блеске бесконечном
Вижу счастье прошлых дней.

Наконец, последний пример. Ранний вариант строки 14-й в стихотворении «Спустишь в подземные ущелья. . .» (№ 37) уточняет его сюжетный замысел. В окончательном тексте эта строка звучит: «Покинув горестную мать» (№ 538); связь того, к кому обращено стихотворение, с матерью (о которой сказано выше: «На песке ложбины // Лежит, убита горем, мать. . .») не выявлена; его действие — «покинув» — не истолковывается как причина ее горести; ранний вариант — «убив покинутую мать» — делает эту связь определенной.

Примеры, конечно, нетрудно было бы умножить.

* * *

Все автографы и копии хранятся в фонде Блока в ГЛМ. Они поступили в архив от наследников С. М. Соловьева в период после Великой Отечественной войны и до 1957 г. — более точных сведений о времени их приобретения нам получить не удалось.

Сличение текстов проведено по изданию: Александр Блок. Собр. соч. в 8 томах, т. I—III. М.—Л., 1960—1961 (подготовлены В. Н. Орловым). Имеющиеся почти во всех автографах пунктуационные (и реже — графические) разночтения, как правило, нами не оговариваются.

В приложении дано описание хранящейся в том же архиве тетради стихотворений, переписанных Блоком в 1899 г. по просьбе его тетки С. А. Кублицкой-Пиоттух и по ее выбору. Этот более ранний образец допечатной блоковской «публикации» служит интересной параллелью к «публикациям» московским, однако в общую нумерацию «московского собрания» стихов из этой тетрадки мы не включаем.

Помимо описываемых нами, ГЛМ располагает автографами еще нескольких стихотворений Блока: «Жизнь — как море, она — всегда исполнена бури. . .» (ф. 8, оп 1, ед. хр. 2; далее указываем только номер ед. хр.); «Мы были вместе, помню я. . .» (ед. хр. 3); «Смеялись бедные невежды. . .» (ед. хр. 6); Сфинкс («Шевельнулась безмолвная сказка пу-

стынь. . .)» (ед. хр. 11); «Не мани меня ты, воля. . .» (ед. хр. 25); Балаганчик («Вот открыт балаганчик. . .») (ед. хр. 26); «Девушка пела в церковном хоре. . .» (ед. хр. 27); Незнакомка («По вечерам над ресторанами. . .») (ед. хр. 27а); «В темной комнате ты обещена. . .» (ед. хр. 29); Тишина в лесу («Бушевали ночные метели. . .») (ед. хр. 30); Сочельник в лесу («Ризу накрест обвязав. . .») (ед. хр. 30); «Пристал ко мне нищий дурак. . .» (ед. хр. 36б); «Ты жил один! Друзей ты не искал. . .» (ед. хр. 36в). Эти автографы никак не связаны с «московским собранием», и описание их, а тем более — даже самый первый анализ далеко увели бы нас от избранной темы, потому мы ограничиваемся простым упоминанием этих рукописей.

Только оговоримся: в этих автографах почти исключительно пунктуационные разночтения, да и то редкие; тем не менее рукописи представляют несомненный интерес для текстолога, почти все они — источники к истории печатания блоковских стихотворений; одна рукопись — «Девушка пела в церковном хоре. . .» — носит следы творческой работы Блока, содержащиеся в ней вычеркивания по окончателюму общеизвестному тексту нужно рассматривать как фиксацию хотя бы временного недовольства поэта своим созданием.

I. СТИХОТВОРЕНИЯ, УПОМИНАЕМЫЕ В ПИСЬМАХ О. М. СОЛОВЬЕВОЙ К А. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ*

Для идентификации ряда упоминаемых Соловьевой стихотворений Блока нет достаточных оснований; ее письма указывают на то, что в распоряжении Соловьевых имелись списки следующих произведений поэта:

1. Орывок («Непонятною тоскою. . .») — Текст нам не известен. Разбор этого стихотворения — в письме Соловьевой от 19 октября 1899 г.

2. «Я шел к блаженству. Путь блеснул. . .» — Отзыв Соловьевой об этом стихотворении — там же.

3. «Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. . .» — Это и следующее стихотворение были посланы Соловьевой З. Н. Гиппиус — см. ее письмо от 19 сентября 1901 г. Автограф его открывает «первое собрание» блоковских стихотворений в Москве, там же и автограф следующего стихотворения — см. №№ 42—45.

4. «Ищу спасенья. . .» — см. № 3.

5. «Я просыпался и всходил. . .» — Текст нам не известен, но это стихотворение Соловьева читала 18 сентября 1902 г. В. Я. Брюсову.

6. «Мне страшно с Тобой встречаться. . .» — Автограф нам не известен, но сохранилась восходящая к нему копия Андрея Белого — см. № 6а. Уже 21 ноября 1902 г. (стихотворение датируется 5 ноября) Соловьева отзывается о нем как первом в какой-то полученной ею подборке блоковских стихов.

6а. То же — В письме Андрея Белого к Э. К. Метнеру от 4 января 1903 г. — С. 5: «По улицам ходят тени». Дата: Ноябрь. 1902 года.

II. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ БЛОКОМ К ПИСЬМОМ К М. С. СОЛОВЬЕВУ ОТ 5 НОЯБРЯ 1902 Г.

7. «Вхожу я в темные храмы. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 44, с. 2 об.). — Окончательная редакция.

Кроме этого стихотворения, к письму прилагались еще четыре, списков которых ныне при письме нет. Из разрозненных автографов Блока, попавших в ГЛМ от наследников С. М. Соловьева, выделяется по формальным признакам (бумага, датировка стихотворений) единственный автограф — ф. 8, оп. 1, ед. хр. 13, см. №№ 59—62, содержащий четыре стихотворения. Вероятно, именно он был искомым приложением, поскольку в других списках этой группы либо содержатся стихотворения, написанные позже письма, либо число их недостаточно.

М. С. Соловьеву могло быть адресовано и утраченное ныне письмо Блока со стихами — см. №№ 8—9.

* См. в наст. томе публикацию «Блок в неизданной переписке современников».

III. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ БЛОКОМ С ПИСЬМАМИ К С. М. СОЛОВЬЕВУ

8—9. —Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 16. Два стихотворения, записанные на лицевых страницах полулистов-сложенного вдвое листа почтовой бумаги, были посланы в Москву Соловьевым с неизвестным нам письмом Блока; на него отвечали (с отзывом на стихи) С. М. Соловьев — 14 февраля, а М. С. Соловьев — 20 февраля 1902 г.

8. «Я шел — и вслед за мною шли. . .» (л. 1; л. 1 об. — чистый).

9. «Бегут неверные дневные тени. . .» (л. 2; л. 2 об. — чистый). — Отсутствует посвящение С. М. Соловьеву. Копия рукою Андрея Белого — № 104.

9а. «Брожу в стенах монастыря. . .» — Послано с письмом, написанным между 11 июня и 6 июля 1902 г. Автограф не сохранился. Копия выслана С. М. Соловьевым А. Белому с его письмом от 6 июля 1902 г. В ней нет разделов между строфами; с. 4: «Слежу мелькающие снежинок». — Ср. № 99 и 99а.

10. «Я умер. Я пал от раны. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, л. 6 об.). — Послано при письме от 9 августа 1903 г.; вариант опубликован с разночтениями против графики оригинала. — Письма, 1925, с. 54. С. 10: «Подниму раскаленный щит», с. 16: «Безначальной, Четвертой Любви».

11 — 25. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45. Пятнадцать стихотворений, присланных при письме от 8 октября 1903 г. в ответ на просьбу адресата. В автографе стихотворения пронумерованы поэтом, с пропуском номеров при стихотворениях 8 (18), 10 (20), 13 (23). При каждом стихотворении — «оценка», выставленная С. М. Соловьевым; помимо этих оценок, Соловьев разбирает стихотворения в ответном письме к Блоку (см. публикацию в наст. томе); о впечатлении К. Д. Бальмонта от этих стихов — в разделе «Блок в неизданной переписке современников».

11. «Запевающий сон, зацветающий цвет. . .» (л. 9) — с. 3: «Открывая окно, услышал я сирень» (как в автографе № 64, но с. 8 здесь — как в окончательном тексте). Дата: Осень 1902. «Оценка» — 4.

12. «Слышу колокол. В поле весна. . .» (л. 9 об.). — Первая строфа — как в варианте I, 604—605. Дата: Апрель 1902. «Оценка» — 5.

13. «Ужасен холод вечеров. . .» (л. 9 об.). — Дата: Июль 1902. «Оценка» — 4+.

14. «О легендах, о сказках, о тайнах. . .» (л. 10) — с. 2: Был один непобедный Христос (как в варианте I, 612, но без курсива). Дата: Сентябрь 1902. «Оценка» — 4.

15. «Мы отошли — и тяжело поднимали. . .» (л. 10). — Дата: Ноябрь 1902. «Оценка» — 3.

16. «Она ждала и билась в смертной муке. . .» (л. 10 об.). — Дата: Декабрь 1902. «Оценка» — 3.

17. «По узким площадям ловил я тень девицы. . .» (л. 10 об.). — С. 8: Я тень твою ловил по узким площадям. Дата: Июль 1902. «Оценка» — 3.

18. «Мой месяц в царственном зените. . .» (л. 11). — Помета Блока перед текстом: Последнее стихотворение» (1 октября 1903). Курсив в с. 8: И только будущей Заре. «Оценки» нет.

19. Вербная суббота (Вечерние люди уходят в дома. . .) — (л. 11 об). Третья строфа:

Приснились боярам. . . — Проснитесь. . . Мы здесь. . .

Боярышня сонно склонилась в окно. . .

Там кто-то тихонько ей шепчет: — я здесь. . .

Но там только утро. . .

только утро одно. . .

С. 13: Весеннее утро. . . там утро. . . там сон. . .; с. 16: Влюбленная тучка. Жемчужный узор; с. 19 (ср. графику третьей строфы): Чуть розовым светом душа занялась. . . // Заря занялась. Дата: 1 сентября 1903. «Оценки» нет.

20. «Погружался я в море клевера. . .» (л. 12). — Заглавие по дате написания (в этом случае и не проставленной): 18 февраля 1903. С. 7: Указал мне дорогу длинную. «Оценки» нет.

20а. То же. — В письме Андрея Белого к Э. К. Метнеру от середины декабря 1903 г. Тот же текст.

21. «Я был весь в пестрых лоскутках. . .» (л. 12 об.). — Дата: Весна 1903. «Оценки» нет.

22. «Все огни загораются здесь. . .» (л. 13). — Разделено на четверостишия. Дата: Осень 1902. «Оценка» — 4.

23. «Любил я нежные слова. . .» (л. 13 об.). — Без помеченного тем же числом (18 октября 1902 г.) стихотворения «Безмолвный призрак в терему. . .», позже составившего вместе с ним диптих «Religio» (I, 230—231, 613). — Дата: Октябрь 1902. «Оценка» — 4.

24. «Скрипка стонет под горой. . .» (л. 13 об.—14). — Дата: Bad-Neuheim Июль 1903. «Оценка» — 4+.

25. «Моя сказка никем не разгадана. . .» (л. 14). — Дата: Май 1903. «Оценка» — 4.

26. «Крыльцо Ее словно панперть. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, л. 17 об.). — Послано при письме от 10 ноября 1903 г. Начальная редакция, как I, 624—625, но с. 11: А в каждом движении танца.

27. «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, л. 25). — Послано с письмом от 20 декабря 1903 г. Заглавие — «Символ» — и последняя строфа, как в варианте <I>, приводимом в т. I, 626. Дата: 11 декабря <1903 г.>.

28. «Плачет ребенок. Под лунным серпом. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, л. 25). — Послано с письмом от 20 декабря 1903 г. Нет посвящения Е. П. Иванову. Дата: 14 декабря <1903 г.>.

29—34. ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, лл. 27—30 и ед. хр. 24. Эти два автографа, несомненно, составляли первоначально единое целое: письмо Блока к Соловьеву, с приложением стихотворений, от 8 марта 1904 г.; часть приложения утрачена. Полный состав письма выявляется из записной книжки Блока: «Сереже — 9 марта — при длинном письме: Светлый Сон, Обман, Петербургская поэма, Ранним утром, Подражание» (ИРЛИ, ф. 654, оп. 1, ед. хр. 327, л. 8; отметим, что Блок перечисляет посланные стихи в строго обратном порядке). Формальное подтверждение связи двух автографов, разрозненных в архиве, — как в том, что они писаны на такой же бумаге (и нет более ни одного блокковского письма к Соловьеву на подобий), так и в лакуне в начале стихотворения «Поединок», при том, что десять отсутствующих его строк не могли бы заполнить даже одной стороны бумажного листа того же формата. На двух свободных полулистах, заняв их целиком, разместились бы тридцать две строки и эпитафия первоначальной редакции стихотворения «Петр», вместе с «Поединком» составлявшего «Петербургскую поэму» (см. I, 414—415), и стихотворение «Последний день». — С этой рукописью Соловьев познакомил Андрея Белого.

29. «Жду я смерти близ денницы. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 45, л. 30 об.). — Заглавие — позже снятое — «Подражание». Отсутствует посвящение Л. Семенову. При тексте помета — «Скандировать на голос Валерия Брюсова: «Приходи путем знакомым» (о названном стихотворении Брюсова см. прим. 8 к письму Соловьева к Блоку от 24 декабря 1903 г. Блок слышал его в Москве 11 января 1904 г.: «Брюсов без дам читает два стихотворения — «Белый всадник» и «Приходи путем знакомым» — VIII, 82). С. 1: Жду я смерти близ денницы. Дата: Март <1904 г.>

<30.> Последний день («Ранним утром, когда люди ленились шевелиться. . .») (автограф не сохранился). — Соседство с «Подражанием» естественно, если учесть известную близость «Последнего дня» стихотворению Брюсова «Конь Блед» (см. I, 414).

* * *
*Одинокий к тебе прихожу
 Одинокий видный мой бы.
 Ты же видишь — меня не жалея:
 Ты смеешь угадывать в строку.*

*Видный видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный*

*Видный видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный
 Одинокий видный Одинокий видный*

1907 г.

(информация)

КОПИЯ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «ОДИНОКИЙ
 К ТЕБЕ ПРИХОЖУ» РУКОЙ А. БЕЛОГО

Литературный музей, Москва

31.) Петр («Он спит, пока закат румян. . .») (автограф не сохранился). — Стихотворение входило как первая часть в «Петербургскую поэму» (см. выше).

32. Поединок («Дни и ночи я безволен. . .») (ф. 8, оп. 2, ед. хр. 24, л. 1). — Начало утрачено, текст начинается со с. 11, читающейся: Под прозрачным покрывалом (то же чтение в раннем автографе, подаренном Е. П. Иванову, — см.: Письма Александра Блока к Е. П. Иванову. Л., 1936, с. 101). Дата: Февраль <1904 г.>

33. Обман («В пустом переулке весенние воды. . .») (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1 об. — 2). — С. 3: Пьяный красный карлик не дает прохода; с. 9: Девушку манит двойное отраженье; с. 22: В светлых струйках весело танцует синева; с. 28: Спускает в воду башмаки: раз! два! Дата: Март <1904 г.>

34. «Светлый сон, ты не обманешь. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 24, л. 2). — особая редакция, отличная как от окончательного текста, так и от редакции, приведенной в т. I, 627: порядок строф I—VIII — тот же, что в окончательном тексте, далее следуют строфы IX—X указанного варианта, его строфы XI—XII отсутствуют, а XIII завершает данную редакцию; таким образом, в ней не восемь строф, как в окончательной, и не тринадцать, как в варианте I, 627, а одиннадцать. С. 13 (по счету строк окончательного текста): Мы внимаем старым дедам. Дата: февраль <1904 г.>

IV. СТИХОТВОРЕНИЯ, ПРИСЛАННЫЕ БЛОКОМ С ПИСЬМАМИ К АНДРЕЮ БЕЛОМУ

35—37. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 22. Сложенный пополам лист почтовой бумаги. Судя по составу этого автографа и неопубликованной отметке Блока в записной книжке 1903 г., список был приложением к ноябрьскому письму поэта к Белому («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 72).

35. «Ты у камня, склонив седины. . .» (л. 1). — Окончательный текст, но с. 8 отличается, как от него, так и от ранней редакции (см. I, 624): И не шалили при ней.

36. «Облака небывалой улады. . .» (л. 1 об.—2). — Разделено на четверостишия. С. 1: Облака невозможной улады (ср. черновик 7 июля 1902 г.: Облака невозможного счастья — I, 625); с. 6: Розовеющих дум не буди; после с. 12 следует еще та же строфа, что и в рукописи, цитированной в т. I, 625.

3. «Спустись в подземные ущелья. . .» (л. 1 об.). — Заглавие — «Будущему», — как в I, 686. С. 14: Убив покинутую мать.

38—41. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 21. Сложенный пополам лист почтовой бумаги. По всей вероятности, прилагался к письму Блока к Андрею Белому от 12 декабря 1903 г. Именно в том порядке, в каком дает их настоящий автограф, перечисляет четыре стихотворения В. Н. Орлов, цитируя до сих пор неизданную заметку Блока в записной книжке («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 73). От Белого рукопись попала к С. М. Соловьеву, высказавшему свое впечатление от этих четырех стихотворений в письме к Блоку от 24 декабря 1903 г.; маловероятно, что Блок послал рассматриваемый лист самому Соловьеву, так как стихотворение «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .» было ему послано при письме от 20 декабря 1903 г. в той же редакции (см. № 27).

38. «Темная, бледно-зеленая. . .» (л. 1). — Отсутствует посвящение М. А. Олениной-д'Альгейм.

39. Фабрика («В соседнем доме окна желты. . .») (л. 1 об.). — С. 9: Я вижу, слышу все с вершины; с. 13: Их впустят всех, когда сберутся.

40. «Что с тобой — не знаю и не скрою. . .» (л. 2). — Сс. 9—10: «И лампадка тенью потревожит: // Отделится кто-то от стены».

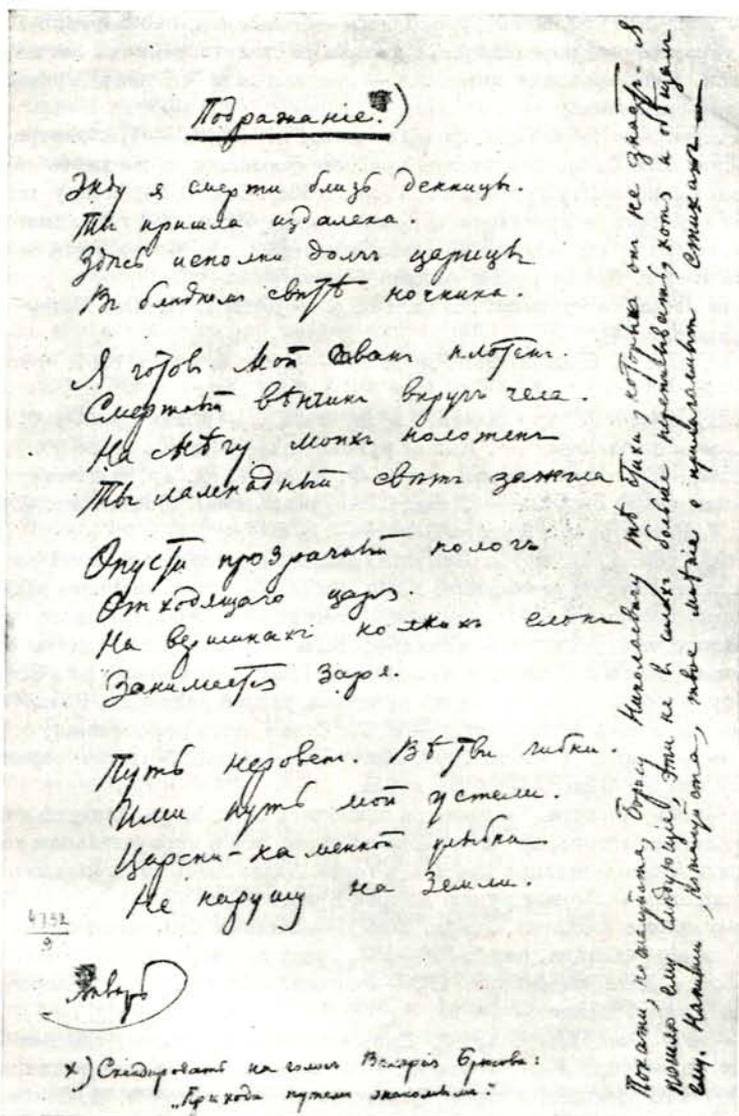
41. «Мне гадалка с морщинистым ликом. . .» (л. 2 об.). — Заглавие — «Символ» — и последняя строфа, как в варианте I, приводимом в т. I, 626. — Ср. № 27.

См. также №№ 65—66.

V. ПРОЧИЕ АВТОГРАФЫ СТИХОТВОРЕНИЙ БЛОКА

По внешним признакам эти списки можно разделить на три группы.

А. 42—57. Судя по всему, — авторская подборка стихов. Хронологические рамки этого достаточно органического «сюжетного» цикла, где самое позднее стихотворение написано в июле 1901 г., позволили бы связать его возникновение с посещением Блоком

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «ПОДРАЖАНИЕ», 8 МАРТА 1904 г.

Литературный музей, Москва

Соловьевых в Дедове в начале августа 1901 г. В крайнем случае, это — специально составленный Соловьевыми «сборник» стихотворений начинающего поэта. Все списки — на одинаковой бумаге, полулисты писчей бумаги, сложенные пополам. При всех стихотворениях — единообразные, выставленные за одно чтение «оценки» синим карандашом, рукой С. М. Соловьева. Если предположить, что копии блоковских стихотворений, сделанные Андреем Белым (см. ниже), суть последовательная выборка из этого «сборника», то легко показать, что двойные листы этой группы складывались в тетрадку следующего состава: Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 10, л. 1. — ед. хр. 8, л. 1 — вложенная четвертушка ед. хр. 5. — ед. хр. 9, л. 1—2 — ед. хр. 8, л. 2 — ед. хр. 10, л. 2; затруднение, таким образом, вызывает лишь размещение двулистной ед. хр. 7. Поскольку это только предположение, мы описываем группу автографов в порядке их архивной нумерации, вынося вперед ед. хр. 10. 42—45. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 10. Полулист писчей бумаги, сложенный пополам. На л. 2 об., внизу — подпись: Ал. Блок, единственная на все автографы этой группы. Изношенность сгиба и загрязненность наружных страниц заставляют предположить, что

этот двойной лист был обложкой рукописного «сборника» стихотворений Блока. Композиция его в таком случае определялась ключевыми стихотворениями лета 1901 г.: «Предчувствую Тебя. Годы проходят мимо. . .» — начальным и «Я жду призыва, ищу ответа. . .» — завершающим.

42. «Предчувствую тебя. Годы проходят мимо. . .» (л. 1). — Нет эпиграфа из Вл. Соловьева. Посвящение С. М. Соловьеву. Три четверостишия, а не шесть двустийших, как в окончательном тексте. Нет курсива в с. 4 (ср. № 85а). С. 4: Я молча жду, тоскуя и любя», с. 11: И ясен горизонт, и лучезарность близко. Дата: Июнь 1901 г. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 5; стихотворение особо отмечено С. М. Соловьевым также в письме от 16 августа 1901 г. Копии рукою Андрея Белого — 85—85а.

43. «Через песчаные пустыни. . .» (л. 1 об.). — Дата: 1901. Май. Петербург. «Оценка» синим карандашом: 3+.

44. «Ныне, полный блаженства. . .» (л. 2). — Дата: Февраль 1901. «Оценка» синим карандашом: 4.

45. «Я жду призыва, ищу ответа. . .» (л. 2 об.). — Дата: Июль 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4+. Копия рукою Андрея Белого — № 90.

46. «Последний пурпур догорал. . .» — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 5. Четвертушка писчей бумаги, текст на одной стороне. — Дата: [Лето] осень 1900. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4. Копия рукою Андрея Белого — № 87.

47—49. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 7. Полулист писчей бумаги, сложенный пополам.

47. «В полночь глухую рожденная. . .» (л. 1 и об.). — Стихотворение разделено на две части римскими цифрами I и II: в первой — три строфы окончательного текста; вторая часть начинается четверостишием «Эллины, боги бессонные. . .», за которым следует позже опущенное, как в варианте, указанном в т. I, 585. Есть эпиграф из Софокла в переводе Д. С. Мережковского, как в той же рукописи ранней редакции. Разночтения (по нумерации строк окончательного текста) — с. 11: Стала душа пораженная; с. 18: Встаньте в морозной пыли! Дата: Декабрь 1900. Петербург. «Оценка» синим карандашом: 3+. Копия рукою Андрея Белого — № 94 и 94а.

48. «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко. . .» (л. 2). — Эпиграф из Вл. Соловьева, но без указания автора, на одно слово длиннее, чем в окончательном тексте: «. . . да и поздно желать // Все минуло: и счастье, и горе». Дата: Июнь 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4+. Копия рукою Андрея Белого — № 95.

49. «Ветер принес издалека. . .» (л. 2 об.). — Ранняя четырехстрочная (но без пробелов между строф) редакция, как I, 586—587. Текст тот же, за исключением с. 9: «Где-то темно и глубоко». Дата: Петербург. 1901. Февраль. «Оценка» синим карандашом: 4+. Копия рукою Андрея Белого — № 96.

50—53. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 8. Полулист писчей бумаги, сложенный пополам.

50. «Ищу спасенья. . .» (л. 1 и об.). — Точная копия ранней редакции — I, 584, но без графического разделения строф. Отсутствует посвящение О. М. Соловьевой. Дата: Ноябрь 1900. «Оценка» синим карандашом: 5. Копия рукою Андрея Белого — № 86 и 86а.

51. «Прошедших дней немеркнувшим сияньем. . .» (л. 1 об.). — Дата: 28 мая 1900. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4+.

52. «Прозрачные, неведомые тени. . .» (л. 2). — С. 1: Уж легкие неведомые тени; с. 4: Одних лишь снов себя ты отдаешь; с. 10: Взглянув на миг в бессмертные черты. Дата: Июль 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4.

53. «За туманом, за лесами. . .» (л. 2 об.). — Ранняя редакция со второй — позже опущенной — строфой, как I, 590. Разночтения (по нумерации строк ранней редакции) — с. 3: Едешь влажными полями; с. 5: За туманной полосой; с. 11: Над печальными полями; с. 14: Ты замолкнешь и бежишь. Дата: Июнь 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4+. Копия рукою Андрея Белого — № 89.

54—57. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 9. Полулист писчей бумаги, сложенный пополам.

54. «Она росла за дальними горами. . .» (л. 1). — Заглавие, как в рукописи, на которую дается ссылка в т. I, 590—591: «Непосвященным». Отсутствует посвящение С. М. Соловьеву. С. 8; И на себе его хранила след; с. 15: Она росла за дальними горами. Дата: Июль 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4+. Стихотворение особо отмечено в письме С. М. Соловьева к Блоку от 16 августа 1901 г.

55. «Уже бледнеет день прощальный. . .» (л. 1 об.). — С. 2: Последний час мне подарил; с. 6: И ты найдешь в ее огне; с. 8: Твои уста открыли мне. Дата: Лето 1900. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4—.

56. «Ты — думы вечной, вдохновенной. . .» (л. 2). — С. 3—4: С улыбкой боговдохновенной // На чистом девственном челе; с. 10—11: Остывший огонь, потухший свет! // Ты все еще в сердечных нивах. Дата: Петербург. Январь 1901. «Оценка» синим карандашом: 4—.

57. «Одиноким, к тебе прихожу. . .» (л. 2 об.). — Дата: Лето 1901. Шахматово. «Оценка» синим карандашом: 4. Копия рукою Андрея Белого — № 87 и 87а.

Б. 58—74. Выделение этой группы списков, проводимое только по формальным признакам — датировке и особенностям бумаги, — исключительно рабочее, вспомогательное. Смысл его в том, что оно позволяет надежно определить время публикации Блоком ряда его стихотворений: за редким исключением в эти списки попадают стихи 1902—начала 1903 г. Исполнены они почти все на английской почтовой бумаге, на которой написаны и письма Блока к Соловьевым за это время; позже она более не встречается в переписке Блока с С. М. Соловьевым.

58. «Говорили короткие речи. . .» (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 12). — Окончательный текст. Под стихотворением, на оборотной стороне листа — подпись и дата: А. Блок // 1902. Обычно поэт, посылая авторские копии, ставил подпись после последнего стихотворения, как при журнальной или газетной публикации. Идентичность почтовой бумаги ед. хр. 12 и 17 (см. ниже, №№ 67—68), не встречающейся более ни в списках стихотворений, ни в письмах к Соловьевым, позволяет связать в единое целое ед. хр. 12 и 17. В какой-то степени эту связь подтверждает и то, что в тетрадке копий блоковских стихотворений, сделанных Белым, «Говорили короткие речи» следует непосредственно за стихами ед. хр. 17 (см. №№ 99—101).

59—62. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 13. — Сложенный пополам лист почтовой бумаги. Мог находится при письме Блока к М. С. Соловьеву от 5 ноября 1902 г.

59. «Свобода смотрит в синеву. . .» (л. 1). — Отсутствуют пробелы между строфами. Сс. 5—8:

Он будет ночью, словно серп,
Сверкающий на темной жатве.
Его закат, его ущерб
Родной моей последней клятве.

Сс. 11—12: «Замолк давно, пропел давно // Под осокой у прибрежий».

60. Экклезиаст («Благословляя свет и тень. . .») (л. 1 об.). Название: Экклезиаст, XII. Эпиграф, вставленный перед стихотворением в первой публикации (см. I, 614), отсутствует.

61. «Будет день, словно миг веселья. . .» (л. 2). — Канонический текст с пунктуационными вариантами.

62. «Ты свята, но я Тебе не верю. . .» (л. 2 об.). — С. 2: Над Тобой Иное расцветет.

63—64. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 14. Полулист почтовой бумаги, вторая половина листа оторвана. Возможно, было приложением, как и № 74, при письме Блока к Белому от 3 февраля 1903 г. («А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 19), но позже передано С. М. Соловьеву, поскольку содержит стихотворение (№ 62) памяти его родителей. В пользу этого предположения говорит то обстоятельство, что Соловьев особо просил Блока переписать второе из содержащихся на этом листе стихотворений в письме от 5 октября 1903 г., не имея собственной его копии, но зная его.

63. Отпешный («Здесь тихо и светло. Смотри, я подойду. . .») (л. 1). — Название: Сонет. «Оценка» простым карандашом (рукой, быть может, С. М. Соловьева): 5.

64. «Запевающий сон, зацветающий цвет. . .» (л. 1 об.). — С. 3: Открывая окно, услышал я сирень; с. 8: Отворил я окно: трепещ и дрожа». «Оценки» нет.

65—66. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 15. Сложенный пополам лист почтовой бумаги; характером расположения текста и следами сгибов сходно с ед. хр. 18 (см. № 69—70).

65. «Там — в улице стоял какой-то дом. . .» (л. 1). — «Оценка» простым карандашом: 4—.

66. «Все кричали у круглых столов. . .» (л. 1 и об.). — Третья строфа:

Тогда она уронила платок.
И все они — в злобном усильи, —
Как будто поняв какой-то намек,
Разрывали с визгом каждый клочок
И окрасили кровью и пылью.

«Оценка» простым карандашом: 5.

66а. То же. — Копия в письме Андрея Белого к Э. К. Метнеру от середины декабря 1903 г. Тот же текст.

67—68. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 17. Несложенный лист почтовой бумаги, по-видимому, посланный с тем же письмом, что и ед. хр. 12 (см. № 58). Расположение текста и порядок копирования стихотворений Белым заставляют предполагать, что сторона, обозначенная в архиве как оборотная, была лицевой.

67. «Я, отрок, зажигаю свечи. . .» (л. 1). — Нет евангельского эпиграфа. С. 9: Покорный сладостному взгляду. Копия рукою Андрея Белого — №№ 101 и 101а.

68. «Когда святого забвенья. . .» (л. 1 об.). — Копия рукою Андрея Белого — № 100.

69—70. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 18. Сложенный пополам лист почтовой бумаги; видимо, был прислан вместе с ед. хр. 15 (см. №№ 65—66).

71—73. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 19. Сложенный пополам лист почтовой бумаги. По-видимому, этот список был получен в Москве в апреле 1902 г.: см. публикуемое в наст. томе письмо С. М. Соловьева, в котором разбираются два из трех стихотворений. Дополнительный довод в пользу этого предположения — в том, что бумага ед. хр. 19 и 16 идентична (более в переписке Блока с Соловьевым она не встречается).

71. «Мы преклонились у завета. . .» (л. 1). — Ранняя редакция с позже опущенной второй строфой, как в т. I, 599. С. 4: Улыбка виделась жены; с. 6 (окончательного текста): В одних стенах, в одних мечтах. — Копия рукою Андрея Белого — № 90.

72. «Сны раздумий небывалых. . .» (л. 1 об.—2). — Ранняя редакция, как в т. I, 599—600. Под стихотворением — одиночный крестик простым карандашом. — Копия рукою Андрея Белого — № 93.

73. «Мы, два старца, бредом одинокие. . .» (л. 2 об.). — Ранняя редакция с позже опущенной третьей строфой, как в т. I, 596—598, но заглавие «Два старца», сопровождавшее стихотворение в рукописи и первых публикациях (см. I, 597), — отсутствует. Разночтения: — сс. 8—9: О, невнятное! перед тобой. // Откуда, откуда мглистые. Копия рукою Андрея Белого — № 92.

74. «Целый год не дрожало окно. . .» (Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 23). — Полулист почтовой бумаги, вторая половина листа оторвана. — Нет посвящения Андрею Белому. Текст чернилами, с единственным разночтением к окончательному тексту в с. 16: Будто плачущий Ангел в трубу. Однако весь текст перечеркнут карандашом и над сс. 14 и 16 слабо-различимая авторская карандашная правка: Заклоченный в гробу услышал, // < . . . > // Лучезарный вдали запевал. — Возможно, этот список прилагался к письму Блока к Белому от 3 февраля 1903 г. — Ср. №№ 63—64.

В. В эту группу мы выделили автографы, связать которые между собой затруднительно. Два из них относятся к более позднему, сравнительно с предыдущей группой, времени, когда эпистолярные «публикации» теряют смысл для Блока, с одной стороны, а с другой! — чем дальше, тем больше выявляется расхождение литературных и духовных путей Блока и «москвичей», прежде всего Сергея Соловьева. Стихи присылаются в Москву все реже и реже, единственным получателем неопубликованных блоковских стихотворений остается Андрей Белый.

Первый из включенных в эту группу списков явно попал в Москву с неизвестным нам письмом 1901 г. (возможно, и не поэта, а его матери). Тем самым этот автограф примыкает, по сути, к группе А, куда он не отнесен лишь по формальным соображениям, так как нарушил бы внешнее, материальное единство первого московского «собрания» стихов Блока.

75—78. — Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 4. 2 листа почтовой бумаги, автографы Блока на лл. 1—2 об., лл. 3—4 — выписки рукою С. М. Соловьева из письма Вл. С. Соловьева к Фету от июля 1892 г. (см.: В. С. Соловьев. Письма, II. Пб., 1923, с. 228).

75. «Город спит, окутан мглою. . .» (л. 1). — Текст разделен графически на две строфы. Дата: 1899. Август. Шахматово.

76. *Dolor ante lucem* («Каждый вечер, лишь только погаснет заря. . .») (л. 1 об.). — Заглавие, как в «Собрании стихотворений», I, 1911: *Dolor ingens ante lucem* (см. I, 579), с. 12: О тебе тоскованье до вечера нес. Дата: 1899. Декабрь. Петербург.

77. «Сумерки, сумерки вешние. . .» (л. 2). — С. 5: Отзвуки, крики далекие. Дата: Август 1901. Шахматово. Копия рукою Андрея Белого — № 97.

78. «Ты горюшь над высокой горою. . .» (л. 2 об.). — С. 1: «Ты горюшь на востоке горою». Дата: Август 1901.

79—83. Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 20. Сложенный пополам лист почтовой бумаги и следующий за ним полулист той же бумаги. Следует отметить, что этот список выполнен фиолетовыми чернилами, тогда как все другие, равно как и все известные нам письма Блока к С. М. Соловьеву, писаны черными.

79. «По берегу плелся больной человек. . .» (л. 1). — Окончательный текст, но без разделения на двустихия. Дата: 1903, декабрь.

80. Из газет («Встала в сияньи. Крестила детей. . .»). (л. 1—об.—2). — Отсутствует заглавие. С. 2: Малютки увидели радостный сон; с. 9—10: Через три часа приходил человек // С серебряной бляхой на теплой шапке; с. 16: Сегодня оставила дома красный платок.

81. «Старуха гадала у входа. . .» (л. 2 об. — 3). — Нет пробелов между строф. С. 8: Хотели узнать, что теперь; с. 16: Заструилось — и стало светло.

82. «Потемнели, поблекли залы. . .» (л. 3).

83. «У берега зеленого на малой могиле. . .» (л. 3 об.). С. 5: Будто все они — Помощью Вышнего Веления.

84. Корреспонденция Бальмонта из Мексики («Я бандит, я бандит! . .») (ф. 8, оп. 1, ед. хр. 28). Бумага списка тождественна бумаге писем Блока к С. М. Соловьеву от 23 января и 26 февраля 1905 г., с одним из которых стихотворение, по-видимому, и появилось в Москве. — Заглавие: Корреспонденция // К. Д. Бальмонта // из Мексики. Разночтения к более пространной ранней редакции (см. II, 452 — с. 2) От меня уже смердит; подстрочное примеч. к с. 10: Перевод с древнеаттического — впервые в русской поэзии. Примечание) ред(акции) «Весов»; сс. 16—17 отсутствуют; после с. 23 следуют еще четыре:

Новобрачных
И прозрачных
Как кристалл
И блестящих и сверлящих, как металл;

с. 25: Заприметив кабаллеро; с. 28: Шпаги, сабли и кинжала; сс. 31—34:

Мексиканка убежала в озаренный тихий дол,
И доверившись лианам,
Выгибала стройный стан;

за с. 51 следует окончание:

Для таких же приключений
Увлечений,
Обольщений,
Совлечений —
Пригласил.

VI. СПИСКИ СТИХОТВОРЕНИЙ БЛОКА, СДЕЛАННЫЕ АНДРЕЕМ БЕЛЫМ (Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 34)

В архиве хранились как «Списки стихов рукою неустановленного лица», однако почерк Белого опознается несомненно. Копии делались в несколько приемов, судя по бумаге и почерку. Два первых двойных листа с архивной нумерацией лл. 1—2 и 3—4 некогда составляли, как свидетельствует расположение текста, одну четырехлиственную тет-

На Балкан, Да алкошт
 Мха старинахкы Балканстрад —
 Инди дремлет и млет
 Сяк буралузских баррахад.
 Мх внилоем старина Инди,
 Будто статуя из киш: —
 Сядко внилоит за обидел
 Статуя ~~Инди~~ немелкий Париз.

Перетик в белую руку,
 Сядко внилоит козодит.
 Сядко внилоит куди внило,
 О мнившалар говорит.

И в алкоштем Закамт
 На Балкант погосмат.
 Но мнилоит стегалки хамат
 Перебралас на кровать.

Сядкут: Поздно. Мх устан.
 Разойдут на заре.
 Да мнилоит остану в дае,
 Лучше мнилоит на коверт.

Мнилоит Сон. Верило мнилоит.
 Мнилоит бархатных урсакир.
 Но золотых мнилоит мнилоит.
 Мнилоит мнилоит внилоит.

Мнилоит задумивни внилоит —
 Мнилоит Индовский сиб.
 Сядкут мнилоит мнилоит звук,
 Но дае мнилоит внилоит.

Благодарность мнилоит —
 Сядкут мнилоит внилоит.
 Мнилоит мнилоит мнилоит
 Мнилоит мнилоит мнилоит.

Сядкут Сон мнилоит мнилоит —
 Мнилоит в мнилоит мнилоит,
 Мнилоит мнилоит мнилоит
 на мнилоит мнилоит.

7283

АВТОГРАФ СТИХОТВОРЕНИЯ БЛОКА «СВЕТЛЫЙ СОН — ТЫ НЕ ОБМАНЕШЬ...»

Литературный музей, Москва

лист (лл. 12—13) сходен по материалу и почерку с лл. 1—4. Отдельные лл. 11 и 14 некогда, несомненно, принадлежали единому целому: оба они — левые, по-видимому, части двойных листов почтовой бумаги, у которых аккуратно оторваны правые полулисты, но не по фабричному сгибу, а на два сантиметра правее; таким образом, нынешние левые их стороны были на деле оборотными.

Самая поздняя запись в тетрадке Белого сделана ранней осенью 1902 г. (стихотворение «Я вышел в ночь — узнать, повесть...» — № 109, датируемое 6 сентября 1902 г.). Начальные копии восходят к первому московскому собранию блоковских автографов (см. выше), далее тетрадка интенсивно пополнялась весной и летом 1902 г.; стихотворе-

ний, отправленных Блоком в Москву осенью — зимой этого года, в тетрадке Белого либо не было, либо они в ней не сохранились.

Копии Белого достаточно торопливы и содержат в себе многочисленные описки, которые мы не учитываем. Но в тех случаях, когда стихотворение Блока представлено в «московском собрании» только списком Белого, оказывающимся, таким образом, единственным текстологическим свидетелем бытовавшей в Москве редакции, мы даем все разночтения (помимо, как сказано, пунктуационных и графических). Датировки, проставленные Белым под стихотворениями, суммарны: если в оригинале указаны число, месяц и год, копия ограничивается указанием месяца, иногда он помечает вместо точной даты просто время года — осень, лето и т. п.; мы, однако, приводим эти даты, чтобы подчеркнуть тот факт, что Белый был достаточно осведомлен о времени написания стихотворения. Воспроизводим мы как словесные оценки Белого при стихотворениях (отмечая наличие вымаранных), так и условные значки, несомненно, оценочного свойства, — звездочки, число которых тем больше, вероятно, чем больше стихотворение нравилось Белому. Подле некоторых строк и стихотворений есть отчеркивания, также, по-видимому, оценочные, — мы их опускаем за невозможностью однозначного истолкования.

Помимо этого основного собрания копий блоковских стихов, настоящий том вводит в научный оборот еще ряд списков, сделанных Белым для Э. К. Метнера. По большей части они, несомненно, восходят (содержа, правда, многочисленные мелкие описки) к соловьевским автографам или собственным спискам Белого. Описание этих копий мы даем за литерным номером при соответствующем основном (см. №№ 6а, 9а, 20а, 66а, 85а, 86а, 88а, 94а, 99а, 101а, 107а). В совокупности своей метнеровские копии Белого — важный документ для изучающего бытование блоковской лирики в среде московских символистов. Но некоторые из них должны заинтересовать и текстолога — «московский» протограф которых неизвестен. Мы имеем в виду №№ 99а и 107а, и еще более важный — № 6а. Наконец, № 110 мы вынесли в особую рубрику, поскольку это стихотворение не представлено ни упоминаниями в переписке москвичей, ни московскими автографами Блока, ни основным собранием копий Белого.

А. 85. Предчувствую Тебя. Года проходят мимо. . . (л. 1). — Текст восходит к автографу № 42. Нет посвящения С. М. Соловьеву. Дата: 1901. Июнь. Три звездочки.

85а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г. (см. публ. «Блок в неизданной переписке и дневниках современников»). Нет посвящения С. М. Соловьеву. В с. 4 курсив на слове: жду. Дата: А. Блок, 1901 г. Июнь.

86. «Ищу спасенья. . .» (л. 1 об. — 3). — Текст восходит к автографу № 50. Дата: 1900 ноябрь. Три звездочки.

86а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г. Текст также восходит к автографу № 50.

87. «Последний пурпур догорал. . .» (л. 3). — Текст восходит к автографу № 46. Дата: 1900 осень. Одна звездочка; оценка неразборчива.

88. «Одинокий к тебе прихожу. . .» (л. 3 об.). — Текст восходит к автографу № 57. Дата: 1901 лето. Три звездочки; оценка: (страшно и гениально).

88а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г. Текст также восходит к автографу № 57. Дата: А. Блок 1901 года.

89. «За туманом, за лесами. . .» (л. 4). — Текст восходит к автографу № 53. Одна звездочка. Дата: 1901 июнь.

90. «Я жду призыва, ищу ответа. . .» (л. 4). — Текст восходит к № 45. Дата: июль 1901. Три звездочки.

91. «Мы преклонились у завета. . .» (л. 2). — Текст восходит к автографу № 71. Дата: 1902. Три звездочки.

92. «Мы, два старца, бредем одинокие. . .» (л. 2 об.). — Текст восходит к автографу № 73. Без даты. Три звездочки.

93. «Сны раздумий небывалых. . .» (л. 5 и об.). — Текст восходит к автографу № 72. Дата: 1902 года. Одна звездочка.

94. «В полночь глухую рожденная. . .» (л. 5 об. — 6). — Текст восходит к автографу № 47. Дата: 1900 г. Декабрь. Две звездочки; оценка замарана: [очень «кроб.»] страшно].

АВТОГРАФЫ СТИХОТВОРЕНИЙ
БЛОКА «СЛЫШУ КОЛОКОЛ.
В ПОЛЕ — ВЕСНА...» И «УЖА-
СЕН ХОЛОД ВЕЧЕРОВ...»

Литературный музей, Москва

Слышу колокола. Во поле — весна —
Ужоту в розовых полях
Вот — полюбилась солнцу весна
Затра — белыми солнцем полями

Слышу колокола. Во поле — весна —
Ты озорная весна, ты озорная —
Давь солнцу и солнцу ты озорная ты
Озорная розовых полях

Слышу колокола. Во поле — весна —
Ужоту в розовых полях
Ты забудешь меня, как пробуй —
Август 1902

3.

Ужасен холод в поле.
Их в поле, в поле в поле.
Косишь, косишь шалом
Ты светлая шалом на поле.

Холодная шалом в поле,
Как пальцы в шалом в поле.
И в шалом в поле, в шалом в поле.
Косишь, косишь шалом

4

Юль 1902

94а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г. Воспроизведена только вторая часть стихотворения — см. № 47 (с сохранением описок, собственных копии № 94). Подпись и дата: А. Блок. 1900 года.

95. «Не сердись и прости. Ты цветешь одиноко...» (л. 6 об.). — Текст восходит к автографу № 48. Под эпиграфом обозначен его автор: В. С. Соловьев. Две звездочки.

96. «Ветер принес издалека...» (л. 7). — Текст восходит к автографу № 49.

97. «Сумерки, сумерки вешние...» (л. 7 об.). — Текст восходит к автографу № 77. Одна звездочка.

98. «Ты горюшь над высокой горою...» (л. 8). — Текст восходит к автографу № 78. Одна звездочка.

99. «Брожу в стенах монастыря...» (л. 8 об.). — Московский автограф неизвестен. Нет разделов между строф. С. 4: Слежу мелькание снежинок; с. 8: Упорным предаюсь я думам.

99а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 7 августа 1902 г. Помимо вышеуказанных разночтений — с. 1: Брожу вдоль стен монастыря; с. 13: Мне страшен холод здешних мест. Подпись и дата — «А. Блок. 1902 года».

100. «Когда святого забвения...» (л. 9). — Текст восходит к автографу № 68. Дата: 1902.

101. «Я, отрок, зажигаю свечи...» — (л. 9 об.). — Текст восходит к автографу № 67.

101а. То же. — Текст восходит к тому же № 67. Дата: 1902 года.

102. «Говорили короткие речи...» (л. 10—10 об.). — Текст восходит к автографу № 58. Дата: 1902.

103. «Мы отошли и стали у кормила...» (л. 11 об.). — Московский автограф неизвестен. Окончательный текст. Дата: 1902 года. Оценка замарана: очень «крзб.».

104. «Бегут неверные дневные тени...» (л. 11). — Текст восходит к автографу № 9. Дата: 1902. Две звездочки; замаранная оценка, быть может, было: [гениально].

105. «В сумерки девушку стройную. . .» (л. 14 об.). — Московский автограф неизвестен. Три четверостишия. Сс. 1—4:

В сумерки девушка стройная
В рошу уходит одна.
Смотрит на небо спокойное,
Бродит тоскливо, бледна;

с. 8: Грезы о милой — в словах; с. 12: Песня, тоска — замолчит. Дата: 1902 года. Две звездочки; оценка замарана.

106. «Странных и новых ищущих на страницах. . .» (л. 14). — Московский автограф неизвестен. С. 2: Мертвых, испытанных книг. Дата: 1902 года. Две звездочки; оценка замарана.

107. «Сбежал с горы и замер в чаще. . .» (л. 12). — Московский автограф неизвестен.

107а. То же. — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 4 января 1903 г. Тот же текст. С. 10: Сомкнется жуткое кольцо. Дата: 1902.

108. «Свет в окошке шатался. . .» (л. 12 и об.). — Московский автограф неизвестен. С. 9: Там лицо укрывала; с. 11: Но в руке узнавала. Дата: 1902. — По-видимому, это стихотворение обсуждалось в переписке Белого с Э. Н. Гишпиус — см. наст. т., кн. 3.

109. «Я вышел в ночь — узнать, понять. . .» (л. 13; л. 13 об. чистый). — Московский автограф неизвестен. Переписана — и потом перечеркнута — только первая строфа, в ее окончательном виде.

Б. 110. 7—8 ноября 1902 г. (Осанна! Тыходишь в терем! . .). — В письме Белого к Э. К. Метнеру от 4 января 1903 г. Отсутствует заглавие. С. 8: Принесла им вздохи курений. Дата: Ноябрь, 1902 года.

П р и л о ж е н и е

ТЕТРАДЬ СТИХОТВОРЕНИЙ, ПОДАРЕННАЯ БЛОКОМ

С. А. КУБЛИЦКОЙ-ПИОТТУХ

Ф. 8, оп. 1, ед. хр. 1. Самодельная тетрадь из сложенных вдвое полулистов писчей бумаги. На обложке надпись неизвестной рукой: «Была подарена Блоком его тетке С. А. Кублицкой». На л. 1 рукою Блока: Стихотворения // А. Блока // 1898/9.

Все стихотворения в этом сборничке не датированы. При каждом — несомненно оценочные пометы карандашом — крестики, нулики, галочки, интерпретировать которые затруднительно.

Два стихотворения — №№ 2 и 11 — по этим автографам были впервые опубликованы с сопроводительной заметкой Г. П. Блоком в журнале «Юность» (1955, № 6).

1. «Я шел к блаженству. Путь блестел. . .» (л. 3, л. 2 — чистый) — с пунктуационными разночтениями окончательный текст, без завершающего восьмистишия (см. I, 577).

2. «О не просите скорбных песен. . .» (л. 3 об.). — Пунктуационные и графические разночтения.

3. После дождя («Сирени бледные дождем к земле прибиты. . .» (л. 4). — Заглавие — «Дождь», как в первоначальном тексте (см. I, 655). При окончательной отделке Блок сократил четные строки — 2-ю и 6-ю (т. е. вторые строки катренов) на одну стопу, 4-ю и 8-ю (завершающие катрены) на две: в настоящей рукописи с. 2: Замолкла песнь живая соловья; с. 4: Нагоршего разлитого ручья; с. 6: Тогда цветы поднимут влажный лик, с. 8: Из края в край раздастся птичий крик.

4. «Когда же смерть? Я все перестрадал. . .» (л. 4 об.). — Текст очень близкий к тому, что сам Блок напечатал в первой его публикации («Записки мечтателей», 1919, № 1 — см. I, 637):

Когда же смерть? Я все перестрадал,
Зайдя далеко в мир надзвездный. . .
Там дальний Сириус сверкал,
Горел и искрился над бездной.

Ты, Сириус, пойми меня, звезда!
Прими меня в свой мир далекий,
Чтоб я горел и искрился всегда
Твоею мощью одинокой.

Приму твой свет — пустыню озарить. . .
 Спасу людей от зла земного!
 Лучом блесну — и зло устанет жить,
 Под ярким пламенем благого!

5. «Там, за далью бесконечной. . .» (л. 5). — Двенадцатистрочный текст (как в рукописи, цитируемой в т. I, 637) без графического членения на строфы. С. 1: В этой дали бесконечной; с. 5—8 (окончательного текста, 9—12 первоначального):

Верю вам, блестяте вечно
 Над землею без теней,
 В вашем блеске бесконечном
 Вижу счастье прошлых дней.

6. Сирин и Алконост. Птицы радости и печали («Густых кудрей откинув волны. . .») (л. 5 об.). — Заглавие: Сирин и Алконост, сказочные птицы радости и печали (карт «ина» В. М. Васнецова). Римскими цифрами I и II стихотворение разделено на две части, что соответствует строфическому членению окончательного текста. С. 18: В душе рыданье залегло.

7. Гамаюн, птица вещая (картина В. М. Васнецова) («На глядах бесконечных вод. . .») (л. 6). — Заглавие: Гамаюн // Птица вещая (картина В. М. Васнецова).

8. «Помните день безотрадный и серый. . .» (л. 7). — С. 6: «Шли мы, и песня дрожала впотьмах».

9. «Истомленный дыханьем весны. . .» (л. 7).

10. Песня Офелии («Разлучаясь с девой милой. . .») — (л. 7 об.). — Заглавие: Этюды песен Офелии (импровизация) — так и в рукописи, цитируемой в т. I, 576. После второй строфы окончательного текста еще две строфы, приведенные там же. Последние три строфы первоначального текста в этом автографе написаны особой колонкой справа и имеют цифровую рубрику: II.

11. «Туда, где небо с океаном. . .» (л. 8).

12. «Над старым мраком мировым. . .» (л. 8 об.). — Ранний текст, воспроизведенный в т. I, 635—636; разночтения к этому варианту — с. 3: Внимая крикам боевым, с. 8: К ее сверкающему лону; с. 12: Огнем победным иссушенный; последняя строфа от третьей отделена графически — особым значком, косым крестом из двух горизонтальных и двух косых линий.

13. «Не презирайте, Бога ради. . .» (л. 9). — Заглавие: Завещание.

14. «О, край небес — звезда омега. . .» (л. 9 об.). — Начальное пятистишие, как в варианте, приведенном в т. I, 576. Пробелы между строфами подчеркнуты значками, как № 12. Разночтения к окончательному тексту с. 3—4: Из глубины — богиня Вега, // Из царства мрака, льда и снега.

П Р И М Е Ч А Н И Я

¹ Самый факт признания «допечатного» Блока среди московских единомышленников и собратьев по мистическим чаяниям общеизвестен. Однако в распоряжении исследователей, никогда, впрочем, специальным его изучением не занимавшихся, были материалы вторичные (воспоминания С. М. Соловьева, Андрея Белого в их многочисленных версиях) либо частичные (переписка Блока с Белым, где воспроизведены сохранившиеся при письмах стихотворения Блока, что дает сравнительно малую по объему часть «московского собрания», относящуюся к последним годам его существования). См. «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 1—116; из переписки Блока с Соловьевым — С. М. Соловьев. Письма Александра Блока. Л. 1925. — В последнем издании были опубликованы только блоковские письма, тогда как важнейшие отзывы Соловьева на стихи Блока в ответных письмах были почти неизвестны. Текстологические же характеристики посылавшихся Блоком стихотворений во многом не учитывались. Тем важнее изучить сохранившиеся рукописи «московского собрания» именно как единое целое и во всем объеме свидетельств о них.

² Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1962.

³ С. М. Соловьев. «Письма Александра Блока», с. 10.

⁴ Бросается в глаза близкое сходство в манере и сути этих коротеньких приговоров у О. М. Соловьевой («страшные» стихи, «я перечла Шапины страшные стихи, и опять они показались мне страшны») — и у Белого (не только в тетрадке копий, но и позже, в письмах к Метнеру, а также и в письме Метнера — см. в наст. томе раздел «Блок в неизданной переписке современников»). Восприятие Блока в узком кругу «москвичей» единообразно и отливается в единые словесные формулы; можно сказать, что блоковская лирика, вскрываемая и оформляемая вынашиваемые московскими почитателями их собственные чувствования и чаяния, спланировала эту группу в единое целое.

⁵ Наиболее подробно о них — в статье А. В. Лаврова «Мифотворчество «аргонавтов». — В кн.: Миф — фольклор — литература. Л., 1978.

⁶ См.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 61 и сл., 83 и сл., 96 и сл.

⁷ Андрей Б е л ы й. Начало века. М.—Л., 1933, с. 293 и сл.

⁸ См.: Вяч. Иванов. Собр. соч., т. II. Брюссель, 1977, с. 651 и сл.

⁹ Иногда, быть может, стихи должны были раскрывать то, о чем Блок эпистолярной речью говорить не хотел: не следует ли так понять курсив, не сохранившийся в окончательном тексте стихотворения «Мой месяц в царственном зените. . .» (см. № 18, тот же курсив и в копии, посланной Андрею Белому, — см.: «А. Блок и А. Белый. Переписка», с. 53):

Навстречу страстному безволю

И *только будущей* Заре —

Киваю синему раздолю

Ныряю в темном серебри! . .

Не попытка ли это отстраниться от сомнительных мистических восторгов Соловьева, усматривающего в бракосочетании Блока и Л. Д. Менделеевой чуть ли не второе пришествие (к чему Блок в иные моменты был склонен и сам).

¹⁰ Школьные «баллы», которыми оценивались стихи Блока, нельзя понимать только как серьезную игру гимназиста Соловьева и вчерашнего гимназиста Блока: она была в большом ходу в литературной среде, как наследие классической риторической эпохи.